

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

В.А. Евстафьев

Полесский государственный университет, evstval@tut.by

Одним из основных факторов, предопределяющих содержание и направленность гражданской активности населения, выступают характеристики институциональной составляющей политической системы страны.

С начала 1990-х г.г. в Беларуси развиваются процессы национально-государственного становления, одной из базовых особенностей которых выступают произошедшие существенные трансформации политико-властных институциональных структур.

Важнейшей предпосылкой обеспечения устойчивого и динамичного продвижения страны по пути общественного прогресса является включение молодежной когорты в социально-значимую и конструктивную преобразовательную деятельность. Возникающий в ходе институциональной инкорпорации момент политико-субъектной самореализации молодежи позволяет формировать у значительной ее части устойчивые интересы к историческим перспективам национального государства и сообщает устойчивость и предсказуемость пространству политической актуальности.

Формирование современной модели институциональных взаимодействий, отражающей особенности конструирования идеологемы «общего дела» в рамках молодежного сообщества на наш взгляд не может быть реализовано вне сопоставления с опытом широкомасштабных советских практик реализации молодежной политики. Постсоветские структурно-функциональные трансформации институциональной сферы, обеспечивающей гражданско-политическое становление молодежи, могут быть описаны в категориях изменения составляющей ее элементной базы, рефлексивных возможностей и используемых объемов материально-технических, организационно-кадровых и информационных ресурсных активов.

Двадцатипятилетний период формирования и укрепления государственных оснований национального существования отмечен существенной трансформацией структурно-функциональных характеристик политико-властных институтов. Отметим, что в обозначенный период в составе акторов, способных оказывать инструментальное влияние на общественное сознание молодежи и, таким образом, задавать целеориентирующие компоненты ее индивидуального и коллективного политического поведения произошли существенные преобразования. Значительная часть этих изменений обусловлена экспансионистским проникновением в открывшееся информационное пространство белорусского общества корпоративных медийных субъектов, сформированных в матрице откровенного западнизма. Их экспансия вызвала к жизни феномен латентного информационно-духовного противоборства, второй стороной которого пока еще выступают хранители традиций и стиля советского государственно-политического управления и частью педагогической ответственности. Однако консервативные общественные силы не располагают системной информационной поддержкой, структурно децентрализованы и функционируют в пределах профессиональных практик, выведенных за рамки современных организационных технологий и ресурсного обеспечения.

Фактическое, недекларативное формирование активистских гражданско–политических личностных качеств молодых людей постепенно утратило бывшими ранее приоритетными позиции в организационных технологиях государственного управления и информационной политики. Пространство реализации фундаментальной социальной задачи – воспитания мыслящей и действующей системно и национальным образом гражданской смены редуцировано и сегментировано до факультативного состояния, ограниченного по масштабу ведомственными (в отдельных случаях – междуведомственными) функциями.

Формальное сохранение институционального подобия молодежной «политической подсистемы» в лице детской и молодежной общереспубликанских организаций с их фактическим монопольным статусом в сфере государственной молодежной политики уже длительный период не обеспечивают воспроизведение устойчивого и адаптированного ко всем периодам становления молодого человека ролевого гражданско–политического «сценария». Его обобщенный образ утратил для большинства молодежи свойства смысловой однозначности, четкой и понятной артикулированности, возможности «шаговой» доступности, а также признаки реальной исполнимости в сфере повседневных поведенческих практик. Он перенасыщен смысловыми неопределенностями настоящего и будущего, размытостью в массовом сознании молодых людей предметных областей приложения их творческих усилий. Предпринимавшиеся попытки непосредственно интегрировать молодежные организации в структуру местного управления, а также в алгоритмы принятия властных решений на местах после непродолжительных усилий в этом направлении были прекращены.

Одной из ключевых особенностей современного институционального ландшафта молодежной политики стало появление в его плоскости политических структур нового типа. Новые объединения оказались способными воспроизводить в молодежной среде широкий спектр организационных практик, мотивационно опираясь на потребность молодежи в самореализации и творчестве, а в организационном и методологическом отношении – на ресурсы современных информационно–психологических технологий. Будучи зарубежными по своему генезису, данные акторы располагают возможностями, позволяющими им, опираясь на разностороннюю поддержку иностранных дипломатических представительств и зарубежных фондов, как показал украинский опыт, адаптироваться к особенностям национальных политической системы, мимикрируя под традиционный формат молодежного сообщества. Основной функцией этих организационных симулякров, как правило, является реализация стратегий и тактик, позволяющих снижать уровень управляемости внутривластных процессами со стороны национальных политико–властных институтов. При этом преследуются цели, состоящие в повышении влияния на общественную ситуацию внешних геополитических субъектов, осуществляемого путем переориентирования моделей политического поведения определенной части молодежи.

Обычно в описаниях политических предпочтений молодых людей не принимается во внимание то обстоятельство, что упомянутые структуры формируют конкурентные политические отношения не только в области функциональных взаимодействий, но также и в пространстве формирующихся в сфере политического сознания молодежи образов и символов институциональных структур. Точнее говоря – в части представлений об их привлекательности и эффективности. Иными словами, в сознании определенного количества современных молодых людей складываются и соперничают институциональные образы, имеющие как национальное, так и зарубежное, в основном, западное происхождение. Очевидно, что обозначенное выше изменение реальной институциональной структуры в сфере работы с молодежью усиливает уровень внутреннего соперничества институциональных образов и придает новый характер основным схемам политических коммуникаций в молодежной среде, повышая степень их стохастичности.

Обращаясь к аспектам, отражающим рефлексивную составляющую институциональных коммуникаций в области формирования и развития молодежного политического активизма, необходимо зафиксировать ряд принципиальных характеристик в используемых подходах к выработке программ и отдельных мероприятий в этом направлении.

Во–первых, все более явными становится снижение доли специфических признаков молодежи как социальной группы в ее портретах, отображаемых в содержании современных информационно–коммуникационных процессов. Специфическая «молодежная» терминология еще воспроизводится в процедурных формах, объективная необходимость использования которых пока остается обязательным элементом подготовки и принятия институциональных решений.

Вместе с тем, ряд фундаментальных сдвигов, выразившихся в происходящем вытеснении семантики деятельности системы образования из области базовых функций государства в сферу потребительских услуг, в отказе от идеи общенациональных молодежных проектов, в ликвидации

большей части национальной молодежной медиа–сферы, в фактическом отходе от программного подхода в государственной молодежной политике, в снижении статусного уровня институционального представительства молодежных интересов, а также постепенное изъятие применения термина «молодежь страны» из национального информационного поля, указывают на постепенное ослабление целеразвивающих позиций и установок по отношению к молодежи в деятельности политико–властных институтов и политической элиты.

Во–вторых, необходимо отметить низкий уровень конкретизации предметных представлений о молодежи, используемых в проектировании государственной молодежной политики. Предметность в настоящем случае рассматривается как совокупность точных параметров и характеристик молодежной аудитории, а также основанных на них обобщений о проблемных аспектах ее функционирования и возможностях их локализации и разрешения. Имеет место общая непроработанность концептуальных оснований в вопросах образовательных и медийных стратегий формирования гражданско–политической составляющей массового сознания молодых людей.